

их пациентов. Отдельного внимания в этом случае должны заслуживать вопросы соблюдения как законодательства Республики Беларусь в области персональных данных и оказания психиатрической помощи, так и морально-этических принципов. Опыт предания публичности документам, подобным представленным выше, сегодня имеет, например, ряд специализированных медицинских учреждений в Федеративной Республике Германия. В частности, речь может идти о земле Северный Рейн-Вестфалия и ее окрестностях: клиник в Бедбург-Хау, Хадамаре и Бонне**.

Возможно, одним из вариантов дальнейшей судьбы журналов поступления пациентов из числа мужского населения в Минскую областную психиатрическую больницу в Новинках в 1944–1948 гг. должна стать их оцифровка. Очевидно, что выявленные источники перспективно использовать как определенную базу для создания электронного архива, который сможет продолжить не только хранение этих документов, но и более глубоко выявить их эвристический потенциал. Кроме того, этот архив смог бы стать настоящей площадкой для аккумуляции документов и дальнейшей реконструкции неизвестных страниц истории, как самого центра, так и истории пациентов из подобных учреждений, что способно отразить не только историю общества, но и его современность.

1. Военнослужащие 1945–1947 гг. // Документы из коллекции библиотеки государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 8009. Оп. 5. Д. 242.
3. Мужчины 1945–1948 // Документы из коллекции библиотеки государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 46. Оп. 1а. Д. 473.
5. Становление центра [Электронный ресурс] // Республиканский научно-практический центр психического здоровья. – Режим доступа: <https://mentalhealth.by/fotogalere/stanovlenie-tsentra>. – Дата доступа: 05.04.2020.

Николаева И.В.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1941–1944 гг. В БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Советская историография и сформировавшаяся на протяжении послевоенных десятилетий официальная культура памяти о Великой Отечественной войне тематизировали историю участия женщин в партизанском движении, главным образом, как историю героической борьбы женщин-

---

** Экскурсионный проект “Behindertenmorde im Kontext der NS-Vernichtungs politik und die Psychiatrien Nordrhein-Westfalen und Umgebung”, руководитель: проф. Б. Физелер, Университет им. Генриха Гейне, Дюссельдорф, кафедра истории и культуры Восточной Европы.

партизанок, сражавшихся наравне с мужчинами на оккупированной территории. Однако героические репрезентации мужественных женщин-партизанок, которые начали создаваться методами официальной пропаганды уже в годы войны, имели весьма опосредованное отношение к женскому восприятию войны и не могли адекватно передать всю полноту женской военной повседневности.

«Культурный поворот» 1990-х годов, затронувший и военную историю, расширил формат научного исследования проблемы женского участия в войне в контексте изучения феномена войны как опыта различных социальных групп общества. В современных исследованиях, посвященных участию женщин в войне, акцент постепенно смещается на историю женского опыта войны, определение специфического положения женщин в системе общественных отношений военного периода.

«Новая» история участия женщин в партизанском движении конструируется сегодня исследователями, преимущественно, на основе анализа материалов, собранных методами устной истории. Главная особенность этих эго-документов, которая одновременно определяет и их значимость для использования в историческом исследовании, заключается в том, что они позволяют посмотреть на историю минувшей войны сквозь призму индивидуального опыта ее участников. В первую очередь, речь идет о женском опыте партизанской повседневности. Источники личного происхождения дают уникальную возможность не только реконструировать женский партизанский быт, но и представить восприятие самими женщинами партизанской действительности. Однако нельзя не учитывать, что в данном случае устные источники – это воспоминания, которые возникли спустя много лет после завершения описываемых событий и потому нуждаются в особенно осторожном отношении и научной критике. В тоже время, несмотря на рост интереса отечественных исследователей к женским воспоминаниям о войне, тема повседневности женщин-партизанок в белорусской историографии пока остается главным образом познавательной-информационной и требует дальнейшего научного анализа и обобщения.

Безусловно, для получения объективной истории участия женщин в партизанском движении личные свидетельства целесообразно использовать в комплексе с другими источниками. При этом необходимо новое прочтение традиционных документальных источников, привлечение многочисленных архивных данных, которые в силу своей специфики не были введены в научный оборот. В частности, значительным потенциалом для исследования положения женщин в рядах партизан обладают докладные записки, сообщения и отчеты партизанского руководства, уполномоченных ЦК, подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ «о работе среди женщин в партизанских формированиях», которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в доступных для историков фондах

партийных и комсомольских комитетов, а также Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) [1].

Хотя структура этих отчетов вполне очевидно отвечает предписанной сверху схеме, они оставляют место для индивидуального содержания и дают некоторое представление о проблемах, связанных с включением значительного числа патриотически настроенных женщин в мужские боевые подразделения, а также представляют возможность проанализировать, насколько декларируемое советским государством равноправие полов в военной сфере отвечало реальному положению в партизанских формированиях. Архивные документы по истории партизанского движения содержат не только имевшие место факты необоснованного ограничения участия прошедших специальную подготовку женщин непосредственно в боевых операциях, но и свидетельствуют о протестных настроениях самих партизанок по причине субъективного отношения к ним командного состава и мужского большинства в целом [2]. Представленная среди материалов фондов организационно-распорядительная документация отражает, как в свою очередь партийное и партизанское руководство решало проблемы, связанные с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе» [3].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что коммерциализация исторического прошлого, усилив внимание к вопросам повседневности, привела к появлению сегодня ряда публикаций, которые характеризуются односторонней подачей материала и представляют участие женщин в партизанских подразделениях главным образом в качестве так называемых «полевых жен». Отмеченное обстоятельство тянет за собой своеобразный шлейф домыслов о негативном поведении партизан в бытовых условиях и взаимоотношениях женщин-партизанок с мужским личным составом в целом. Отрицать существование отдельных случаев неподобающего партизанам поведения нельзя, как и имевшие место прецеденты, связанные с сексуальными злоупотреблениями в отношении женщин со стороны мужчин-сослуживцев. В документальных источниках НАРБ исследователи находят подтверждение «фактов неправильного отношения к женщинам и девушкам» [4]. При этом авторы, иной раз строящие свои рассуждения на выдержках из партизанских документов, используют только свидетельства аморального поведения и игнорируют присутствующие в этих же архивных источниках материалы о привлечении к ответственности и наказаниях за нарушения партизанской дисциплины. К сожалению, нередко оценка девиантных проявлений поведения отдельных партизан безосновательно распространяется на всех представителей движения сопротивления, что, в том числе, несправедливо и незаслуженно ставит под сомнение моральный облик тысяч женщин и девушек, принимавших участие в партизанском движении.

В комплексе документов по истории партизанского движения отдельную группу источников представляют содержащиеся в фонде БШПД «истории» бригад и отрядов, в основу которых положены дневниковые запи-

си, что велись на протяжении деятельности соответствующих формирований [5]. Разработанная оперативным отделом БШПД структура данного вида документов включает пункт «Жизнь и быт бригады-отряда», где в большинстве случаев отдельно выделена информация под заголовком «Женщины и девушки-партизанки». Составленные командирами формирований по заданному уже в июле 1944 г. формуляру «истории», безусловно, требуют критического анализа, что не умоляет их информационного потенциала для реконструирования различных аспектов партизанского быта (условия проживания, рацион питания, обеспечение одеждой, личная гигиена и т.д.) и показа обратной стороны жизни партизан – каждодневной борьбы за выживание.

Таким образом, на сегодняшний день значительное приращение знаний по военной женской повседневности происходит, главным образом, за счет материалов, собранных методами устной истории, которые требуют от профессиональной историографии их скрупулезного анализа в комплексе с архивными документами по истории партизанского движения. При этом нельзя не учитывать, что данные источники имеют ряд особенностей, обусловленных их официальным происхождением. Обладая информационной насыщенностью, они нередко несут идеологическую заданность и в силу этого содержат соответствующие оценки и суждения. В то же время критическое осмысление рассмотренного корпуса архивных документов и их сопоставление с источниками личного происхождения представляют возможность современным исследователям раскрыть различные аспекты повседневной военной действительности женщин-партизанок и опровергнуть сложившиеся негативные стереотипы относительно их участия в партизанском движении.

1. Нікалаева, І.У. Дакументы нацыянальнага архіўнага фонду як крыніца па гісторыі жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг. / І.У. Нікалаева // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.] – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2011. – С. 205–207.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1. ЛЛ. 105, 137–138; Ф. 1350. Оп. 1. Д. 21. Л. 3; Ф. 1380. Оп. 1. Д. 13. Л. 24–24об.
3. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 108. Л. 52; Ф. 4п. Оп. 20. Д. 213. Л. 90; Ф. 63п. Оп. 6. Д. 2. ЛЛ. 89–90; Оп. 16. Д. 11. ЛЛ. 8–9.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 20. Д. 213. Л. 132; Оп. 33а. Д. 69. Л. 141; Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1. Л. 203; Д. 3. ЛЛ. 80, 171; Д. 11, Л. 127–127об; Д. 280. ЛЛ. 390–391; Д. 281. ЛЛ. 167–168; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 44. Л. 92; Оп. 11а. Д. 25. Л. 28; Ф. 1336. Оп. 1. Д. 125. Л. 268; Ф. 1383. Оп. 1. Д. 56. Л. 17–18.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4.